

Научная статья / Research Article

УДК 930.85(191/192)

DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-170-183

Виктория Алексеевна Дудина¹, Лариса Александровна Кутилова²✉

^{1, 2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ kutiloval@rambler.ru

² dudina200obika00@mail.ru

ОБРАЗ «НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» И НЕСОВЕТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: «СЕРЫЕ НИШИ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ г. КРАСНОЯРСКА В 1917–1920 гг.)

Целью исследования являются выявление и репрезентация несоветского поведения в первые годы советской власти на региональном материале через призму противопоставления того, каким «новый советский человек» должен был быть и каким он являлся на самом деле. Такой историко-антропологический подход позволяет изучать советскую повседневность через предложенную Н. Лебиной дихотомию норма/аномалия, расширяя и детализируя наши представления о советской повседневности 1920-х гг. Представление о том, каким должен быть новый человек, опиралось на философскую традицию Просвещения и предполагало не только отказ от старого, но и воспитание, возвращение нового. Подчеркивается, что наступление новой эры и становление нового человека казалось тогда не только неизбежным, но и очень скорым по времени. Представления о том, каким быть советскому человеку были динамичны, они менялись, но такие качества, как служение общему делу, верность политическим идеалам, самостоятельность, коллективизм, уважение к труду, вполне соответствовали идеалу. Отмечается, что большевикам была свойственна идеализация рабочего класса, который должен был стать творцом новой жизни, и утопичность представлений о его моральном облике. Объектом внимания в исследовании становятся «серые ниши» повседневности (пьянство, хулиганство и др.), не соответствующие советскому представлению о должном поведении, но распространенные в обывательской жизни. Некоторые из них стали настоящим социальным бичом и требовали пристального внимания власти. Исследование опирается на материалы газет, региональных архивов и посвящено городу Красноярску в 1917–1920-е гг.

Ключевые слова: новый советский человек, пропаганда, повседневность, несоветское поведение, хулиганство, пьянство, Красноярск

Для цитирования: Дудина В.А., Кутилова Л.А. Образ «нового советского человека» и несоветское поведение: «серые ниши» повседневности (на примере г. Красноярск в 1917–1920 гг.) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 170–183. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-170-183.

Victoria Alekseevna Dudina¹, Larisa Aleksandrovna Kutilova²✉

^{1, 2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹ kutiloval@rambler.ru

² dudina200obika00@mail.ru

THE IMAGE OF THE “NEW SOVIET” PERSON AND NON-SOVIET BEHAVIOR: THE “GRAY NICHES” OF EVERYDAY (BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF KRASNOYARSK IN 1917–1920)

The purpose of the study is to identify and represent non-Soviet behavior in the first years of Soviet power using regional material through the prism of contrasting what the “new Soviet man” was supposed to be and what he actually was. This historical and anthropological approach allows us to study Soviet everyday life through the norm/anomaly dichotomy proposed by N. Leбина, expanding and detailing our ideas about Soviet everyday life in the 1920s. The idea of what a new person should be was based on the philosophical tradition of the Enlightenment and implied not only the rejection of the old, but also the education and cultivation of the new. It is emphasized that the advent of a new era and the formation of a new man seemed then not only inevitable, but also very soon. Ideas about what a Soviet person should be like were dynamic, they changed, but such qualities as service to the common cause, loyalty to political ideals, independence, collectivism, respect for work were fully consistent with the ideal. It is noted that the Bolsheviks were characterized by the idealization of the working class, which was supposed to become the creator of a new life, and the utopian ideas about its moral character. The object of attention in the study is the “gray niches” of everyday life (drunkenness, hooliganism, etc.), which do not correspond to the Soviet idea of proper behavior, but are common in everyday life. Some of them became a real social scourge and required close attention from the authorities. The study is based on materials from newspapers and regional archives and is dedicated to the city of Krasnoyarsk in the 1917–1920s.

Keywords: new Soviet man, propaganda, everyday life, non-Soviet behavior, hooliganism, drunkenness, Krasnoyarsk

For citation: Dudina V.A., Kutilova L.A. The image of the “New soviet” person and non-soviet behavior: the “Gray niches” of everyday (by the example of the city of Krasnoyarsk in 1917–1920) // Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 4. S. 170–183. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-170-183.

Введение. Исследование основано на применении методологического приема, использованного Н. Лебиной для изучения советской повседневности через дихотомию норма/аномалия, которая не только существует в сфере быденной жизни, но и применяется для построения разнообразных научных конструкций [1]. Как известно, нормы определяют пределы допустимого поведения, они устанавливаются и охраняются государством, являются обязательными, поскольку существуют как нормативные суждения власти, зафиксированные в соответствующих документах (законы, постановления и т. п.), что подразумевает

существование мер государственного принуждения с целью их исполнения. Одновременно существуют правила поведения, нигде не закрепленные, – привычки, обычаи, традиции, которые связаны с господствующими в обществе представлениями о добре и зле, о должном поведении; они являются естественной потребностью человека, проявляются в его повседневной жизни, в быту, в суждениях, восходят к социально-культурным ориентирам общества и его историческим особенностям.

Ссылаясь на исследования Э. Дюркгейма, Р. Ментона, Г. Беккера, Н. Лебина задается вопросом, насколько полезны

их выводы историкам, в частности, тем, кто пытается изменить представления о жизни в СССР в 1920–1930-е гг. Интересно ее стремление не только применить социологические концепты в своем конкретно-историческом исследовании, но и придать «общемировое человеческое лицо» истории России 20–30-х гг., идентифицируя личность межвоенного десятилетия в антропологическом контексте. Н. Лебина подчеркивает, что осуществление процессов модернизации и индустриализации, осложненное Первой мировой войной и социально-политическими потрясениями первой четверти XX в., еще больше затруднили в советской России ситуацию «переделки» человека традиционного в человека общества модерна [1, с. 4–9]. Руководители нового Советского государства повторяли, что гражданин будущего будет совершенно другим, чем прежние люди. Правда, отметим, что их идеи совершенствования нового человека шли в русле уже сложившегося мировоззрения. Ведь еще философы Просвещения стремились к переустройству общества и человека и уже тогда вели речь о новом человеке, который будет соответствовать новому времени. В первые годы советской власти шли поиски новых форм воспитания и обучения подрастающего поколения для формирования этого нового человека. Не удивительно, что вопросы образования и воспитания стали идеологическими вопросами. О том, каким быть воспитанию в новом коммунистическом ключе, было много споров. Представлялось, что создать нового человека, значит, создать фундамент для социалистического строительства. Так, Л. Троцкий подчеркивал, что новый советский человек – это гражданин коммуны, борец за коммунизм. В эйфории начала 1920-х гг. наступление новой эры и становление нового человека казалось не только неизбежным, но и очень скорым по времени. При этом отметим, что большевикам была свойственна идеализация рабочего класса, утопичность представлений о моральном облике того социального слоя, который

должен был определять моральный климат в новом обществе.

Завершение Гражданской войны заставило большевиков больше говорить не о строительстве нового, а, скорее, о разрушении старого, которое, по словам В. Ленина, превратилось в груды развалин. Но таким образом была расчищена почва, на которой уже можно было строить новое общество. Пришло понимание, насколько это сложный и длительный по времени процесс. Состояние «разрушенности и ослабленности нормативной системы старого общества», когда старые нормы и ценности сосуществуют с новыми представлениями о должном, дают повод говорить о переходном периоде, потому что даже формирование представлений о новых нормах и, соответственно, аномалиях требовало времени и усилий. Так, например, дискуссионным стал вопрос о старых формах взаимоотношений в семье, да и о самой семье: является она ценностью в новом обществе или нет?

С наступлением НЭПа у советской власти появилась возможность уделять больше внимания вопросам воспитания детей и подростков, власть действует более активно, началась «ковка нового человека» [2]. Причем большевики справедливо полагали, что дети и подростки лучше поддаются воспитанию в новом ключе, они как глина пластичны и готовы впитывать новое. А после уже эти дети должны перевоспитать своих родителей. А. Луначарский подчеркивал необходимость для детей работать в семье, то есть говорил о таком воспитании наоборот: не родители воспитывают детей, а именно дети и подростки перевоспитывают родителей в коммунистическом ключе. Советский педагог П. Блонский ввел термин «человековедение», что подразумевало необходимость возвращать людей для того, чтобы они были достойны коммунистического будущего. Правда, параметры нового человека не были определены окончательно, они менялись со временем. Н. Лебина справедливо отмечает динамичность и даже

хаотичность этих представлений [3, с. 421]. Так, к 1930-м гг. стало понятно, что новая власть требует еще дисциплины и послушания.

Если вначале новая власть в целях воспитания нового человека чаще демонстрирует стремление отказаться от того, что ассоциируется со старым миром, то впоследствии появляется и укрепляется представление о том, что новый человек должен обладать такими качествами, как служение общему делу, верность политическим идеалам, самостоятельность, коллективизм, уважение к труду. Особенно много таких вопросов вставало в сфере повседневной жизни: что допустимо, а что новая власть не может принять. В таких условиях привычная модель российского общества 1920–1930-х гг. усложняется, его можно рассматривать через призму разных сочетаний – нового и старого в переходный период, желаемого (идеального) и реального в повседневной жизни советской страны, когда повседневность не соответствует норме, а нарушает ее и т. д. В этой реальной жизни предложенный Н. Лебиной инструментарий дихотомии нормы/аномалии позволяет на основе новых источников детализировать привычную модель российского общества 20–30-х гг.

Материалы и методы исследования. В начале XX века в Советском Союзе данная тема и ее различные аспекты активно изучались учеными, анализировались в русле публицистических работ. Для этих целей были созданы отдельные научные учреждения. Так, например, для изучения сексуальной коммерции была создана научно-исследовательская комиссия. Другие темы анализировались Центральным статистическим управлением СССР. В результате в этот период появилось достаточно много работ о борьбе с алкоголизмом [4], а также, например, о женском хулиганстве [5].

Однако постепенно, начиная с 1930-х гг., изучение таких тем, как пьянство, хулиганство, сексуальная коммерция и подобных им, прекращается. В пе-

риод активного строительства нового общества, возвращения человека новой морали и быта проявления несоветского поведения замалчиваются. Замалчивание становится «нормой властного отношения» к их существованию [3, с. 419]. В официальной риторике утверждается, что несоветского, то есть не соответствующего норме, просто не может быть.

Только в конце 1960-х гг. советские и зарубежные ученые начинают публиковать первые труды по данной тематике. При этом работы вначале писались чаще психологами, социологами, представителями медицинских наук, а не историками. В 1990-е гг. изучением различных форм несоветского поведения начинают заниматься профессиональные историки, отметим работы К.Б. Литвака [6] и др. В 1999 г. вышла в свет монография Н. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы»; работа неоднократно переиздавалась. Автор впервые предложила использовать в качестве подхода к изучению советской повседневности дихотомию «норма / аномалия», используя практики социологии и социальной антропологии. Методологический инструментарий, предложенный Н. Лебиной, был использован для написания данной статьи. Для нас важным является тот вопрос, который поставила Н. Лебина в предисловии ко второму изданию: являлась ли повседневность советской страны действительно советской, насколько реальные практики повседневности соответствовали нормативным суждениям власти? Или же идеал и реальность были далеки друг от друга?

Среди современных работ подобной тематики необходимо выделить публикации С.Е. Панина, который изучал повседневную жизнь советских городов с их пьянством, проституцией и другими несоветскими проявлениями [7]. Автор пришел к выводу о том, что хулиганство в Советской России 1920-х гг. «достигло степени национального бедствия, хулиган стал неотъемлемой фигурой повседневной жизни городов» [8, с. 135]. При-

чины распространения подобного явления он видел в том, что государство довольно долго не видело в хулиганстве серьезной опасности. Также автор обращает внимание на важность пропаганды, которая «внушала рабочей молодежи представление о социальном превосходстве, тем самым воспитывая «в ней чувство вседозволенности и безнаказанности» [8, с. 135]. И.Б. Орлов в монографии о становлении советской повседневности использовал предложенную Н. Лебиной дихотомию нормы/аномалии, анализируя, например, практики выживания во время голода в Поволжье в 1921–1922 гг. [9]. Н. Лебина активно продолжает исследовать советскую повседневность. Так, в 2010 г. ею была опубликована (в соавторстве с В.С. Измозиком) работа о взаимоотношениях «новых» советских людей и пространства старого Петербурга. Авторы представили свою работу как социально-архитектурное исследование, подчеркнув новаторский подход и использование архитектурного материала в качестве исторического источника [10].

В последнее время исследователи активно изучают теневые стороны советской повседневности как в общероссийском, так и региональном масштабах. В 2008 г. О.Л. Лейбович справедливо говорил об инерции исследователей в изучении повседневности, отмечая, что последняя «...так залита светом торжествующей пропаганды, что историкам, за редким исключением, кажется невозможным или неинтересным заглянуть за декорации, покрытые толстым слоем лака» [11, с. 5]. Сегодня же отмечается настоящий исследовательский и издательский бум [9, с. 23], связанный с различными аспектами повседневной жизни людей, причем, ракурс исследовательского интереса связан не только с правилами, но и, как справедливо отмечает С. Бойм, с необходимостью «...осмыслить ...способы увиливания, отлынивания, одурачивания, уклонения и отступления, на которых держится повседневная жизнь» [12, с. 11]. В этом ключе написаны работы Ю.В. Казанце-

вой [13], И.Н. Камардина [14], М.Л. Блинова [15], С.В. Богданова [16] и др. Относительно недавно стали появляются публикации, посвященные теневым сторонам жизни в первые годы советской власти в Красноярском крае. Отметим работы А.П. Шекшеева [17], М.В. Холиной [18] о пьянстве и самогоноварении, Я.В. Капустиной [19] и др.

Результаты исследования и их обсуждение. 1917 г. знаменует не только начало нового периода в истории России, но и начало процесса создания «нового советского человека». Этот процесс длился весь период существования советского государства. Как уже отмечалось, с самого начала становления советского государства еще на развалинах старого мира начали формироваться представления о том, каким должен быть новый человек

Основополагающим в эти годы было представление В.И. Ленина о советском человеке. Он писал о том, что необходимо перевоспитать тех людей, которые были воспитаны капитализмом. Но не через насилие, а через дисциплину масс, воздействие пролетариев на основную массу людей, влияние новой обстановки, в рамках которой они должны понять, что возврата к старому обществу не будет и необходимо подстраиваться под новое. Основного актора воспитательного процесса В.И. Ленин видел в молодежи, которая, по его мнению, должна построить новое общество: «Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации» [20, с. 309].

Новое общество будет строиться на основе коммунистической морали и нравственности, исходя из интересов классовой борьбы пролетариата, на основе борьбы с эксплуатацией человека человеком и мелкой собственностью. Представления о новом человеке включали в первую очередь идейные компоненты.

О новом человеке рассуждали и другие советские политики того времени. Так, для Л.Д. Троцкого «новый советский человек» должен был появиться только после того, как переходный тип, к которому он относит людей, живущих в начале XX века, создаст необходимые для этого условия. Переходный тип он называет революционером. «Он – революционер потому, что не боится взрывать, применять беспощадное насилие, знает ему историческую цену» [21, с. 331]. Революционер, согласно Троцкому, всегда стремится сделать все для «движения вперед революционного класса» [21, с. 331]. При этом настоящий революционер, в отличие от полуреволюционера, свободен от различных суеверий и предрассудков.

В.А. Луначарский в своих работах, размышляя о том, как должно развиваться общество, приходит к выводу о необходимости «выработки нового человека, поскольку старый человек, воспитавшийся в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе, является неудовлетворительным» [22, с. 274]. «Новый советский человек», по его мнению, в отличие от старого, который думал только о себе, должен жить в коллективе, и на первом плане у него должны быть не свои, а государственные нужды и задачи мировой революции. В новый образ советского человека В.А. Луначарским вкладывается научное, а не религиозное мышление и предрассудки. Мышлению нового человека, по мысли Луначарского, чужды идеи эксплуатации одного человека другим.

Н.И. Бухарин развивает идею К. Маркса о создании целостного человека и общества. Целостный человек должен быть всесторонне развитым как в физическом, так и в духовном плане. По его мнению, только социализм может справиться с этой задачей, так как для такой личности необходимо обеспечить свободу развития, учет индивидуальности и уничтожение классовых противоречий: «Так впервые в истории формируется подлинно цельный человек, чьи

потребности и сферы деятельности достигают в своем развитии бесконечного разнообразия» [23, с. 257].

Итак, советские лидеры отмечают разные аспекты нового человека будущего, но все они сходятся во мнении, что советский человек не должен совершать поступки, противоречащие коммунистическому мировоззрению, нравственности и морали, то есть проявлять несоветское поведение.

Для того чтобы советский человек правильно строил свою жизнь, партия стремится дать ему образец поведения, прибегая к практикам регламентирования жизни членов партии вплоть до семейных отношений. Настоящий коммунист, будучи примером для всех остальных людей, не должен делать того чуждого, что партия стремится искоренить, а также не должен использовать партию для получения личной выгоды. У настоящего коммуниста на первом месте должна быть работа, интересы коммунизма, общественные идеалы и ценности, стремление внести вклад в развитие общества: «Мы живем в такую эпоху, когда мы уже ясно понимаем, что личная жизнь не может отделяться от общественной жизни. Это в прежние времена, может быть, было не ясно, что такой разрыв между личной и общественной жизнью ведет к тому, что рано или поздно человек изменяет делу коммунизма» [24, с. 254].

Большие надежды советское правительство возлагало на молодежь, которая должна была в первую очередь стать «новыми советскими людьми». Для этого партия объясняла, что правильно, а что нет, проводила воспитательную работу с помощью РКСМ, педагогического персонала, в работе которых важную роль играл пропагандистский компонент. Однозначно порицались такие несоветские формы поведения, как халатность, хулиганство, пьянство и др. Правда, порицая пьянство, власть с недоверием относилась и к трезвенникам, совсем непьющий человек воспринимался подозрительно. В арсенале работы советской

власти – собрания, доклады, в том числе о международном положении, читки, декламации, беседы, лекции, выставки, пропаганда заветов Ленина [25] и т. д. Работа велась в клубах, избах-читальнях, школах [26].

Большевики считали, что воспитание детей, подростков, молодежи должно было также происходить через коллективный труд и возможность стать частью создателей коммунизма в СССР для того, чтобы они почувствовали общность, научились трудовой дисциплине и чувству ответственности перед коллективом. «Ребенок с пеленок должен понять, что наслаждаться он может только тогда, когда все дети вокруг него чувствуют наслаждение», – отмечал М.Н. Лядов, ректор Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова [24, с. 314]. Также подрастающему поколению нужно заниматься самообразованием, чтобы овладеть теоретическими знаниями, затем применять их на практике, а также избавиться от предрассудков и безграмотности. Так, во время доклада на II Всероссийском съезде политпросветов отмечалось: «Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [24, с. 110].

Особенно критично советские руководители относились к представителям религиозных течений. «Новый советский человек», по их мнению, должен был быть свободным от религиозных предрассудков. Поэтому любые попытки распространить среди советских граждан религиозное мировоззрение строго пресекалась. Так, красноярский фотограф В.М. Барматов был приговорен к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 5 лет за контрреволюционные призывы. При обыске у него было найдено большое количество религиозной литературы «контрреволюционного характера», которую Барматов распространял «среди отсталой части крестьянства» [27]. Документы фондов Енисейского губкома содержат сведения о том, что в 1924 г. стали активно создаваться

общества безбожников. Констатируя, что работают они довольно стихийно, власть предлагает начать их плановую организацию, разработать устав и направления деятельности. Для этого нужно объединить все антирелигиозные кружки на основе общей платформы борьбы со старым религиозным бытом: «Вместо старого быта должны пропагандироваться новые формы революционно-гражданского быта. С этой целью общества должны устраивать в клубе или избе-читальне Октябрины, гражданские свадьбы и новые революционные праздники...» [28].

Кроме борьбы с капитализмом и его проявлениями, советский человек должен был бороться со своими внутренними врагами, которые актуализируются при строительстве коммунизма. Политики обозначили три главных врага: коммунистическое чванство, безграмотность и взятка. «Коммунистическое чванство – значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием» [24, с. 109]. Пытаясь выстроить мир нового человека, особое внимание партия уделяет его повседневности, быту и даже внешнему виду человека. Внешний вид «нового советского человека» жестко не регламентируется, но оговаривается, что наряжаться можно, если это не идет вразрез с коммунистической моралью. М.Н. Лядов высказывался о том, что «если я для того, чтобы нарядить свою жену вместо того, чтобы удовлетвориться партмаксимумом, буду искать посторонней работы, буду залезать в казенный карман, – это нельзя» [24, с. 325].

В архиве Красноярского края хранятся материалы, которые демонстрируют, какого рода действия не просто осуждались в обществе, а сурово карались законом. Так, было заведено дело на делопроизводителя четвертого района милиции Красноярского уезда П.Д. Королука, который, пользуясь служебным положением, брал взятки за освобожде-

ние из-под стражи и совершал другие действия, превышающие должностные полномочия. В результате решения Енисейского губернского суда П.Д. Королук был приговорен к лишению свободы, и даже амнистия в честь Октябрьской революции не спасла его от наказания. За получение взятки его наказали по всей строгости, лишили свободы сроком на 5 лет со строгой изоляцией [29]. Газета «Красноярский рабочий» объявляет главными взятодателями нэпманов, утверждая, что именно они поддерживают взяточничество, поскольку у них есть средства давать взятки. Так, они предлагают взятки за покупку билетов вне очереди в кассах железнодорожного вокзала или за оформление багажа. Газета сообщает о том, что на транспорте существует целая схема покупки билетов вне очереди, в которой посредником выступает буфетчик вокзала [30].

Государство, как уже отмечалось, строит новую модель семьи и семейных отношений, семья должна быть частью советского общества, а выстраивая новую модель семьи, власть прибегает к регламентации семейных отношений: «Мы имеем право требовать, и мы должны требовать от членов партии, чтобы духовное верховенство в семье принадлежало им – коммунистам» [24, с. 366.]. В коммунистической семье главным должен быть мужчина-коммунист, который отвечает за свою семью, то есть если кто-то из семьи совершает действия, противоречащие коммунистической нравственности, то ответственность за такие действия лежит на мужчине, поскольку он глава семьи. Но это не означает, что у женщины в такой семье нет прав. Наоборот, проповедуется равноправие во всем. «Женщина, прежде всего товарищ» [24, с. 321], поэтому настоящая коммунистическая семья должна быть основана на взаимном уважении. Коммунисты не отрицали того, что крепкая связь между людьми может образоваться только, если полюбить человека. Но половое влечение в семье должно было уйти на второй план, так как удовлетворение сексуаль-

ных потребностей не даст то, что нужно советскому человеку. Не случайно Н. Лебина отмечает не только создание в 1920–1930-е гг. системы нормативных суждений, способствующих регламентированию сексуальности и репродуктивности, но и своеобразную деэротизацию общества [3, с. 419]. «Наш идеал – это женщина и мужчина, гармонично развитые, одинаково развитые и умственно, и физически, чтобы женщина могла работать вместе с мужчиной, чтобы это не была кукла, чтобы мы видели в нем или в ней человека» [24, с. 325]. На первый план выходят такие качества женщины в семейном союзе, как гармоничное развитие, самостоятельность, равное участие в труде.

При этом большое внимание власть уделяет укоренению представления о том, что мужчина не должен применять насилие по отношению к своей жене, этот рудимент прежних отношений в семье должен быть искоренен, но в то же время жена должна понимать, что на первом месте у мужа строительство нового общества и общегосударственные задачи, в достижении которых она должна помогать мужу. «Коммунист, устанавливающий в семье свое идейное руководство кулаком, так же мало стоит, как и коммунист, находящийся под башмаком у своей жены» [24, с. 372]. Правда, реальная жизнь, будучи далека от идеала, изобиловала другими примерами. В документах архива мы находим информацию и о рукоприкладстве в семье, и о том, что женщины промышляют сексуальной коммерцией. Так, некто А.И. Ерофеев убил свою жену в приступе ревности. Наказания за такого рода преступление были строже, чем наказания за должностное преступление: Ерофеев получил 10 лет со строгой изоляцией и поражением в правах на 5 лет [31]. В сведениях о происшествиях, которые фиксируют районные отделы Красноярской городской милиции [32], много сообщений об участии женщин в сексуальной коммерции, которую описывают как преступление против личности.

Также советские политики призвали активно бороться с чрезмерным употреблением алкоголя, при этом они не осуждали умеренное потребление алкоголя в компании друзей. «Мы должны бороться против пьянства не потому, что вино есть блуд, а потому что алкоголизм ослабляет волю рабочего класса, делает его неспособным к социалистическому труду» [24, с. 343]. Кроме того, власть проводит прямую связь роста хулиганства и самоубийств с увеличением употребления алкоголя.

Историки в последнее время активно изучают тему пьянства и алкоголизма в первые годы советской власти, в том числе на материалах Енисейской Сибири, по сути, рисуя картину пьяной повседневности. Так, исследователь А.П. Шакшеев, анализируя материалы Красноярского краевого архива, приходит к выводу, что «в 1920-е гг. пьянство и самогоноварение в енисейской деревне приняли значительные масштабы» [33, с. 84]. В самогоноварение и пьянство были вовлечены и представители партийной власти, и милиционеры, а разного рода события (например, празднование советских или религиозных праздников, призыв в армию), сопровождаясь возлияниями, часто перерастали в драки. Кстати, документы содержат сведения о том, что крестьяне продолжают отмечать религиозные праздники, в том числе распивая алкоголь. Пили и коммунисты, и комсомольцы и не стеснялись в этом признаться. Такие признания находили одобрение у остальной части населения, видимо, в силу представления о том, что он (признавшийся в пьянстве коммунист) свой, наш, такой, как мы [33, с. 88]. А.П. Шакшеев пишет о безнаказанности такого поведения, которое формирует безнравственный облик лиц, призванных формировать и поддерживать новую коммунистическую мораль [33, с. 92]. В городе пьянство процветало не меньше. Газета «Красноярский рабочий» регулярно публикует материалы, осуждающие пьяниц и рассказывающие о их наказании. В выпуске за 7 декабря 1928 г.

опубликована информация о нескольких таких историях. Так, младший милиционер стеклозавода Капалпашан (газета называет его румыном) беспробудно пьет, в том числе при исполнении своих служебных обязанностей. В августе в поселке «Памяти 13 борцов» его видели настолько пьяным, что он валялся в грязи на площади. Газета сообщает, что он «пьянствовал систематически и из-за этого часто не являлся на службу» [34]. В конце концов народный суд приговорил его к полутора годам лишения свободы за дискредитацию власти. Милиционер Конного завода Шереметьев также систематически пьянствовал, а будучи в отпуске в деревне Покровка Даурского района, в день Троицы ругался нецензурной бранью, приставал к прохожим и стрелял из нагана. Другой пример также показателен. Радиотелеграфист Енисейской радиостанции Никитин, будучи пьяным на работе, часто не передавал важные сообщения, спал во время дежурств, а однажды вставил в текст передаваемой телеграммы матерные слова [34]. Пьянство было настоящим социальным бедствием. Одно из сообщений газеты «Красноярский рабочий» из Ачинского уезда констатирует: «Вообще в последнее время у нас наблюдаются сильное пьянство и безобразия – пьяная молодежь со стягами и палками ходит ночью по улицам и сильно безобразничает. Милиция никаких мер борьбы с самогонкой и хулиганством пока не принимает» [30]. Самогонкой отмечают и новые советские праздники. Корреспондент газеты, который называет себя «крестьянин», из села Ачинского уезда сообщает, что председатель волисполкома, отмечая пятую годовщину Октября, до того упился, что свалился с ног. Автор сообщения резюмирует: «При наличии участия в пьянстве местных властей у нас не может быть никакой речи о борьбе с самогонкой» [30]. Пытаясь найти ответ на вопрос о причинах такой деградации города и деревни, исследователь А.П. Шакшеев, не отрицая бытовых причин, утверждает, что на селе «пьянство в ка-

кой-то степени являлось своеобразной формой протеста определенной части крестьян созданию коммунистами новых условий и правил жизни» [33, с. 93]. Так, например, хлебозаготовительные кризисы 1920-х гг. обернулись «небывалым ростом пьянства и конфликтных ситуаций» [35, с. 255]. Мы снова сталкиваемся с реакцией бумеранга: пытаясь утвердить новую мораль, власть своими действиями усложняет ситуацию, а проблема пьянства только усугубляется.

Другим распространенным несоветским проявлением было хулиганство. Исследователь С. Панин справедливо называет хулиганов хозяевами городских улиц. В Красноярске хулиганы заполнили городской сад: «... в Красноярском городском саду повседневно творится бесчинство и хулиганство, Исполнительный Комитет постановил: вменить в обязанность милиции и комиссарам следить за порядком в саду и замеченных в хулиганстве и бесчинстве задерживать и подвергать штрафу, за нарушение общественной тишины и спокойствия от 25 до 100 рублей, с заменой арестом от недели до 1 месяца» [36]. При этом в других случаях за недостойного советского человека поведение могли наказать исключением из союза профорганизации. «Красноярский рабочий» в номере за 12 декабря 1928 г. сообщает о хулиганах-комсомольцах. Группа рабочей молодежи (в их числе комсомольцы и один член партии ВКП (б)) 21 октября в центре города (ул. Богграда), встретившись с другой группой прохожих, спровоцировала ссору, которая переросла в драку и поножовщину. Суд, разбирая эту историю, вынес довольно мягкий приговор: часть участников были оправданы, другие же приговорены к условному сроку. Смягчающим обстоятельством стал молодой возраст хулиганов (им от 18 до 27 лет) [34].

С. Панин, анализируя хулиганство как социальный феномен, приходит к выводу, что постепенно хулиганство захватило не только городские улицы, но

заводы и фабрики. Действительно, «Красноярский рабочий», например, сообщает, что в ноябре 1929 г. несколько пьяных рабочих Стекольного завода сорвали производственную конференцию. Автор публикации призывает осудить такое поведение: «Рабочие Стекольного завода должны резко осудить поступок четырех пьяниц. Немедленно должны быть проведены общие собрания рабочих, где поставить об этом вопрос. Пьяницам и дебоширам не место в завкоме и на производстве» [27].

Этот феномен хулиганства на производстве исследователь С. Панин связывает с обратной реакцией на пропаганду: «... постоянное внушение рабочим представлений об их авангардной роли, о том, что именно они являются фундаментом нового общества и государства» привело к тому, что «на этой почве у них развивалось так называемое пролетарское чванство – чувство вседозволенности и безнаказанности» [7, с. 135].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов как общего, так и частного характера. Оно подчеркивает важность того представления о сущности предмета (история повседневности), которое подразумевает изучение конкретных проявлений повседневности, а значит, дает возможность «показать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил» [9, с. 18]. Речь идет не просто о бытописании, а о важнейшем ракурсе исторического рассмотрения, который позволяет показать индивидуальные реакции на исторические процессы и события, а также преломление последних в повседневности, а затем их обратное влияние на «большую» историю» [37]. Кроме того, работа следует тому принципу о смене перспектив в изучении повседневности, о которой вели речь западногерманские историки: «...от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и государственных событий» «...к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневной жизни» [37, с. 174]. Именно такой подход

помогает изменить, внести новые краски, оттенки и интонации в одностороннее представление о советском государстве в первое десятилетие его существования, подчеркнув важность взаимодействия между привычными политическими, социальными, экономическими и человеческими факторами в истории; не только увидеть «большое в малом», но представить себе общность, не уменьшая значимость составляющих ее индивидуальных элементов [38, с. 11]. Реконструируя раннюю советскую повседневность на региональном материале, мы пришли к выводу о том, что повседневность советской страны в 1920-е гг. в ее конкретных проявлениях не соответствовала ни идеям социализма, ни идеальному представлению о советском, ни общим тенденциям модернизационного переустройства повседневной сферы. Стремление воспи-

тать, взрастить нового советского человека с его новыми характеристиками не только сталкивается с сопротивлением прежних укоренившихся традиций обыденной жизни, но и с нежеланием представителей самой советской власти следовать им. Так, хулиганство и пьянство стали настоящим социальным бичом, обыденностью, которой подвержены были и представители новой власти. В реальности мы наблюдаем распространение аномального несоветского поведения, а не той нормы в поведении, представление о которой формирует властная риторика. Изменение ситуации связано с изменением политики власти в этом вопросе в конце 1920-х гг., но историки признают, что на всем протяжении советского периода проблемы хулиганства и пьянства оставались самыми острыми [8, с. 152].

Список источников

1. *Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб.: Летний сад, 1999. 381 с.
2. *Кравченко А.* Создание нового советского человека. URL: <https://arzamas.academy/materials/1499> (дата обращения: 16.08.2023).
3. *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2016. 488 с.
4. *Ларин Ю.* Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М.: Общество борьбы с алкоголизмом, 1929. 141 с.
5. *Рапопорт А.М., Харламов А.Г.* О женском хулиганстве // Хулиганство и поножовщина. М.: Мосздравотдел, 1927. С. 140–149.
6. *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х гг. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74–88.
7. *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2008. 322 с.
8. *Панин С.Е.* «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е гг. // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 135–154.
9. *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 320 с.
10. *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский. «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е гг. М.: Крига, 2016. 248 с.
11. *Лейбович О.Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
12. *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: НЛЮ, 2022. 320 с.
13. *Казанцева Ю.В.* Теневые стороны жизни уральского города первой половины 1920-х гг. // Шестые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщений (Екатерин-

- бург, 20–21 апр. 2006 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Т. 1. С. 255–262.
14. *Камардин И.Н.* Хулиганство в городах Поволжья в период НЭПа // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. № 18. С. 52–57.
 15. *Блинов М.Л.* Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 31–42.
 16. *Богданов С.В., Ельчаинов П.М.* Безработица и преступность в СССР (1921–1928 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 22. С. 161–166.
 17. *Шекшеев А.П.* Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в Енисейской деревне (1917–1930 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 3–4.
 18. *Холина М.В.* Формирование новых ценностных ориентиров и проблема пьянства в малых городах Красноярского края в 1920-е гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 11. С. 72–78.
 19. *Капустина Я.В.* Преступность и борьба с ней в городе Красноярске в годы революции и Гражданской войны // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 427. С. 125–131.
 20. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 41.
 21. *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Проблемы культуры. Культура переходного периода. М.: Гос. изд-во, 1927. Т. 21.
 22. *Луначарский А.В.* О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976.
 23. Узник Лубянки. Тюремные рукописи Н. Бухарина. 2-е изд. М.: АИРО-XXI, 2008. 1069 с.
 24. Партийная этика (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) / под ред. А.А. Гусейнова, М.В. Искрова, Р.В. Петропавловского. М.: Политиздат, 1989. 511 с.
 25. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 778. Л. 41, 43, 55.
 26. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 541. Л. 33; Д. 148, 207, 541.
 27. Красноярский рабочий. 1929.
 28. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 778. Л. 176.
 29. ГАКК. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.
 30. Красноярский рабочий. 1922.
 31. ГАКК. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 492. Л. 48.
 32. ГАКК. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 232. Л. 24.
 33. *Шекшеев А.П.* Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в Енисейской деревне (1917–1930 гг.)... С. 82–97.
 34. Красноярский рабочий. 1928.
 35. *Шекшеев А.П.* Политика государства и поведение крестьян Енисейской Сибири в 1920-х гг. // От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история: мат-лы VIII Сибирского исторического форума (Красноярск, 21–23 сент. 2021 г.). Красноярск, 2021. С. 251–258.
 36. Рабоче-крестьянская газета. 1918.
 37. *Кокка Ю.* Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 174–189.
 38. Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 608 с.

References

1. *Lebina N.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gg. SPb.: Letnii sad, 1999. 381 s.
2. *Kravchenko A.* Sozдание novogo sovetskogo cheloveka. URL: <https://arzas.academy/materials/1499> (data obrashcheniya: 16.08.2023).
3. *Lebina N.* Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu. 2-e izd. M.: NLO, 2016. 488 s.
4. *Larin YU.* Alkogolizm promyshlennykh rabochikh i bor'ba s nim. M.: Obshchestvo bor'by s alkogolizmom, 1929. 141 s.
5. *Rapoport A.M., Kharlamov A.G.* O zhenskom khuliganstve // *Khuliganstvo i ponozhovshchina*. M.: Moszdravotdel, 1927. S. 140–149.
6. *Litvak K.B.* Samogonovarenie i potreblenie alkogolya v rossiiskoi derevne 1920-kh gg. // *Otechestvennaya istoriya*. 1992. № 4. S. 74–88.
7. *Panin S.E.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh gorodov: p'yanstvo, prostitutsiya, prestupnost' i bor'ba s nimi v 1920-e gg. (na materialakh Penzenskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 2008. 322 s.
8. *Panin S.E.* «Khozyain ulits gorodskikh». Khuliganstvo v sovetskoj Rossii v 1920-e gg. // *Vestnik Evrazii*. 2003. № 1. S. 135–154.
9. *Orlov I.B.* Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskie aspekty stanovleniya. M.: Izd. dom gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 320 s.
10. *Izmozik V.S., Lebina N.B.* Peterburg sovetskii. «Novyi chelovek» v starom prostanstve. 1920–1930-e gg. M.: Kruga, 2016. 248 s.
11. *Leibovich O.L.* V gorode M. Ocherki sotsial'noi povsednevnosti sovetskoj provintsii v 40–50-kh gg. M.: ROSSPEHN, 2008. 295 s.
12. *Boim S.* Obshchie mesta. Mifologiya povsednevnoi zhizni. M.: NLO, 2022. 320 s.
13. *Kazantseva YU.V.* Tenevye storony zhizni ural'skogo goroda pervoi poloviny 1920-kh gg. // *Shestye Tatishchevskie chteniya: tez. dokl. i soobshchenii* (Ekaterinburg, 20–21 apr. 2006 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. T. 1. S. 255–262.
14. *Kamardin I.N.* Khuliganstvo v gorodakh Povolzh'ya v period NEHPa // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 18. S. 52–57.
15. *Blinov M.L.* Iz istorii sotsial'nykh otnoshenii v Izhevsk v 1920-e gg.: bor'ba s khuliganstvom, p'yanstvom i detskoj prestupnost'yu // *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2016. № 3. S. 31–42.
16. *Bogdanov S.V., El'chainov P.M.* Bezrobotitsa i prestupnost' v SSSR (1921–1928 gg.) // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 22. S. 161–166.
17. *Sheksheev A.P.* Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v Eniseiskoi derevne (1917–1930 gg.) // *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2016. № 3–4.
18. *Kholina M.V.* Formirovanie novykh tsennostnykh orientirov i problema p'yanstva v mal'nykh gorodakh Krasnoyarskogo kraja v 1920-e gg. // *Manuskript*. 2020. T.13. № 11. S. 72–78.
19. *Kapustina YA.V.* Prestupnost' i bor'ba s nei v gorode Krasnoyarske v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny // *Vestnik Tomsk. gos. un-ta*. 2018. № 427. S. 125–131.
20. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenii. M.: Izd-vo polit. lit-ry, 1967. T. 41.
21. *Trotskii L.D.* Sochineniya. Problemy kul'tury. Kul'tura perekhodnogo perioda. M.: Gos. izd-vo, 1927. T. 21.
22. *Lunacharskii A.V.* O vospitanii i obrazovanii. M.: Pedagogika, 1976.
23. *Uznik Lubyanki. Tyuremnye rukopisi N. Bukharina*. 2-e izd. M.: AI-RO-XXI, 2008. 1069 s.

24. Partiinaya ehtika (Dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov) / pod red. A.A. Guseinova, M.V. Iskrova, R.V. Petropavlovskogo. M.: Politiz-dat, 1989. 511 s.
25. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK). F. P-1. Op. 1. D. 778. L. 41, 43, 55.
26. GAKK. F. P-1. Op. 1. D. 541. L. 33; D. 148, 207, 541.
27. Krasnoyarskii rabochii. 1929.
28. GAKK. F. P-1. Op. 1. D. 778. L. 176.
29. GAKK. F. R-12. Op. 1. D. 68. L. 5.
30. Krasnoyarskii rabochii. 1922.
31. GAKK. F. R-12. Op. 1. D. 492. L. 48.
32. GAKK. F. R-741. Op. 1. D. 232. L. 24.
33. *Sheksheev A.P.* Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v Eniseiskoi derevne (1917–1930 gg.)... S. 82–97.
34. Krasnoyarskii rabochii. 1928.
35. *Sheksheev A.P.* Politika gosudarstva i povedenie krest'yan Enisei-skoi Sibiri v 1920-kh gg. // Ot Eniseiskoi gubernii k Eniseiskoi Sibiri: dva veka, odna istoriya: mat-ly VIII Sibirskogo istoricheskogo foruma (Krasnoyarsk, 21–23 sent. 2021 g.). Krasnoyarsk, 2021. S. 251–258.
36. Raboche-krest'yanskaya gazeta. 1918.
37. *Kokka YU.* Sotsial'naya istoriya mezhdru strukturnoi i ehmpiricheskoi istoriei // THESIS. 1993. Vyp. 2. S. 174–189.
38. Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / pod red. L.P. Repinói. M.: Izd-vo LKI, 2012. 608 s.

Статья принята к публикации 12.10.2023/
The article has been accepted for publication 12.10.2023.

Информация об авторах:

Виктория Алексеевна Дудина, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций

Лариса Александровна Кутилова, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors:

Victoria Alekseevna Dudina, Master's student at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations

Larisa Aleksandrovna Kutilova, Associate Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Candidate of Historical Sciences, Docent

